

Душа русского народа была сформирована православной церковью, она получила чисто религиозную формуляцию. И эта религиозная формация сохранилась и до нашего времени, до русских нигилистов и коммунистов.

Н.А. Бердяев

1

Уже около двадцати лет дискутируется вопрос о выносе тела В.И. Ленина с Красной площади и закрытии Мавзолея. Дискуссия разгорается в годовщины рождения и смерти вождя – 22 апреля и 21 января – и переходит в вялотекущее состояние во все остальное время. При этом сложился стереотип, что защищают нахождение Мавзолея с телом Ленина на Красной площади коммунисты, а выступают за вынос тела и уничтожение Мавзолея – антикоммунисты. Однако перед нами именно стереотип, который вызван тем, что термин «коммунисты» употребляется у нас некритически, без понимания его истинного смысла. Это видно хотя бы по тому, что коммунистами у нас называют КПРФ, тогда как на самом деле это партия советского, точнее, сталинско-брежневского традиционализма, партия социально ориентированного русского великодержавия, но никак уж

не коммунистическая партия в западном смысле этого слова. Вряд ли Маркс, если бы он смог прочитать программу КПРФ, согласился бы с такими её тезисами, как поддержка русской культуры и церкви, борьба за национально-государственные интересы страны и за права аморфных «трудящихся», куда включены практически все и даже те, кто проходит в ведомстве марксизма по разряду «мелкой и средней буржуазии». Маркс считал государство сугубо классовым институтом, утверждал, что у пролетариев нет Отечества и делал ставку исключительно на пролетариат.

Если подойти к вопросу непредвзято и без эмоций, то станет вполне очевидным, что как раз настоящие коммунисты-марксисты никак не могут выступать за сохранение в центре Москвы забальзамированного тела Ленина в силу специфики своего мировоззрения. Прежде всего, коммунисты-марксисты – принципиальные противники признания сколько-нибудь большого значения личности в истории. Они убеждены, что историю творят массы, которыми управляют социальные законы, а исторические личности – лишь выразители интересов масс (кстати, так считал и сам Ульянов-Ленин и упрекал тех, кто объявлял его великим гением в продвижении народнической теории героя и толпы). Далее, для коммуниста-марксиста, который убежден, что никакого загробного существования нет и человек – лишь биосоциальная машина, нехарактерно внимание к

мертвому телу и к смерти как таковой. Человек для него важен и интересен, пока он живет на земле, а когда он умрет, тело его превращается в набор химических интересов и потому само оно интереса не представляет. Бессмертие человека коммунист-марксист мыслит как память о нем у потомков и как долговечность результатов его деятельности, а вовсе не как сохранение его внешних телесных черт. Сама идея сохранения мертвого тела человека долгие годы (и, более того, выставление этого тела на общее обозрение) должна казаться коммунисту-марксисту как носителю сциентистского и прогрессистского мировоззрения чудовишной и отвратительной, неким порождением «средневековья» и «мракобесия» (и, безусловно, самому Ленину она такой бы и показалась). И действительно, сегодняшние коммунисты-западники, объявляющие Зюганова реакционером, мракобесом и предателем левой идеи, вроде неотроцкиста Баранова, вполне спокойно отзываются об идее захоронения тела Ленина, заявляя в Интернете, что для них важнее распространение ленинских идей, а не сохранение его мумии.

Неудивительно, что и ближайшие соратники Ленина – революционеры старой гвардии, «русские европейцы» до мозга костей – Троцкий, Бухарин, Каменев, наконец, Крупская были решительно против бальзамирования тела Ленина и сохранения его в Мавзолее. Почему же посмертная судьба атеиста и материалиста Ульянова-Ленина сложилась так странно и причудливо?

2

Мы должны не забывать, что большевики пришли к власти не в милой их сердцам «цивилизованной», «просвещенной» Европе, а в стране, где около 80 % процентов составляло крестьянство, которое представляло собой типичное сословие архаически-традиционного аграрного общества, сохранившееся в России до эпохи граммофонов и дирижаблей. Крестьянство не затронула вестернизация, проведенная Петром Первым и его преемниками, и совсем чуть-чуть

затронули либеральные реформы Александра Второго. Уже в начале XX века крестьяне оставались вполне патриархальными типажам, продолжающими жить общинами и исповедующими особую фольклорную разновидность православия, которая, начиная с XVIII века, все больше отличалась от церковного православия и приобрела черты «космического христианства», как характеризовал подобные аграрные восточноевропейские культы М. Элиаде. Его суть состояла в отождествлении природных стихий с персонажами Священной истории: Бога-Отца с небом, землю – с Богородицей, зерно и делаемый из него хлеб – с Христом. Это «крестьянское православие» представляло крестьянина как своеобразного жреца, осуществляющего священный брак между небом и землей и обеспечивающего рождение Спасителя мира. Оно одухотворяло, наполняло глубинными сакральными смыслами весь быт крестьянина, все его действия: сельскохозяйственные работы, женитьбу, рождение детей, все предметы и существа, окружающие его и используемые им: плуг, одежду, избу, скотину. Важное место в этой религии, сросшейся с обыденной жизнью, играла вера в святого, народного царя, который прекращает беззакония чиновников и помещиков, дарует крестьянам землю и свободу, но который при этом обязательно должен пострадать и даже пройти через смерть, но умереть не по-настоящему, а как бы уснуть и пребывать во сне до того момента, когда он снова станет нужен народу (вспомним, про веру крестьян в особые царские знаки на теле Пугачева или в пещерку на Волге, в которой до сих пор спит Степан Разин). В образе народного мужицкого царя проглядывались черты образа Христа, преломленного через призму крестьянского космистского мировоззрения.

Отождествление Ленина с этим образом – совершенно неожиданное для вождя русских коммунистов и даже неприютное ему – началось в среде русского простонародья еще при его жизни. Уже в начале 1920-х годов в народе распространяются рассказы о том, что Ленин – спаситель и благодетель народа, что он защитник русских перед «злыми

инородцами». Показательно, что во время Кронштадтского мятежа восставшие выбрасывали портреты Троцкого и других членов ЦК, но не трогали портреты Ленина. По-своему народом было истолковано и покушение на Ленина, которое к тому же совершила Фани Каплан, что вполне вписывалось в антисемитскую мифологию русских крестьян – как страдание, принятое Лениным за народ. Даже антиленинские настроения фольклор истолковывал через культ Ленина, сюда относятся рассказы о подмене «настоящего Ленина» подложным во время нахождения вождя большевиков за границей (подобные истории за три века до этого русские крестьяне рассказывали о Петре Первом).

Постепенно у простонародья образ Ленина замещает традиционные образы крестьянского православия: историки не раз отмечали, что уже в первой половине 1920-х годов в русских селах портреты Ленина вешали на стену как иконы, окружив полотнами, этими портретами благословляли молодых. Отмечены были даже деревенские заговоры, в которых именем Ленина изгонялись хвори, в городе они печатались в сатирических журналах и воспринимались как курьез, но, очевидно, перед нами очень значимый документ эпохи. Все шире распространяется убеждение, что Ленин бессмертен и что он не может умереть, которое в виде метафор проникает даже в городскую официальную литературу, надо ли говорить, что в деревне оно воспринималось буквально. Вообще в официальной пропагандистской литературе утверждается традиция, которая переносит на Ленина риторические обороты, характерные для церковной литературы и агиографии. Образ вождя разделяется на две ипостаси – живого, обычного и даже не лишено недостатков, невысокого, плохо одетого человека с дефектом речи и на Ленина – земное божество, которое одной волей своей изменяет пути исторического развития целых народов. Ленин уподобляется Моисею, выводящему пролетариат из египетского плена, Христу, прошедшему через Голгофу – ранение ради простого народа. Эти параллели не навязывались народу сверху, а, наоборот, питались интенциями народного мировоззрения,

исходили из среды самих рабочих и крестьян. К 1924 году сложился настоящий культ Ленина, имеющий два уровня – народный, где он сливался с народными верованиями в святого мужицкого царя-мученика и освободителя, и официальный, где он был подретуширован социентизмом марксистской философии и идеологии. Это предопределило посмертную судьбу тела Ленина.

Первый исследователь культа Ленина Нина Тумаркин прямо заявляла, что на решение забальзамировать тело Ленина повлияла православная традиция, точнее, вера русского простонародья в нетленность тел святых (теперь к этому добавляют, что было и влияние традиции временного бальзамирования тел российских императоров). Интересно заметить, что активными сторонниками бальзамирования были Красин и Луначарский, которые являлись известными теоретиками «богоискательства» – течения в русской социал-демократии (кстати, резко раскритикованного Лениным!), учившего что для «отсталого» русского народа, находящегося в плену «религиозных предрассудков» необходимо преподносить учение марксизма под видом псевдорелигиозной, точнее, псевдохристианской доктрины. Красин и не скрывал того, что он сознательно создает культ Ленина как «нового Христа», сравнивая в своих статьях мавзолей с гробом Господним в Иерусалиме. Заметим также, что еще одним сторонником бальзамирования тела Ленина был Сталин, который, в отличие от большевиков западников, имел мощное религиозное чутье и хорошо знал народ (он был чуть ли не единственным среди членов ЦК выходящим из простонародья).

Впрочем, речь идет не просто о сознательном «обмане во благо» (как его понимали большевики). Народная вера в бессмертие Ленина распространялась и на первых лиц партии, только она приняла у них наукообразную форму. Многие вожди и идеологи большевизма 1920-х годов были последователями учения Н.Ф. Федорова о всеобщем воскрешении и были убеждены, что при коммунизме бурно разовьется наука и техника и будет придуман «научный способ» воскрешения умерших поколений (Маяковский в

заключительной части поэмы «Про это» Ленин не вполне умер и что он своими «благотворными энергиями» управляет созданным им государством даже из гроба. Совершенно не случайно возникла традиция в праздничные дни (7 ноября и 1 мая) руководителям государства и партии всходить на Мавзолей и приветствовать оттуда народ. Праздник есть переход из профанного обычного времени во время сакральное, мифологическое (недаром праздник предполагает праздность – освобождение от труда, который есть проклятие Божье, наложенное на людей за грехопадение и лежащее на человечестве вплоть до конца истории и наступления царства Божьего, где закон обязательного труда падет, собственно, праздник и есть предчувствие будущего нового зона и такое поведение, будто он уже наступил). В православной империи ромеев считалось, что в праздник империей управляет не император, а ее истинный глава – Иисус Христос. В связи с этим во дворце императора стоял специальный трон для Христа, на котором всегда лежало Евангелие, в праздничные дни придворные обращались к этому трону. Обычай восхождения глав государства и партии на Мавзолей в праздничные дни представлял собой своего рода отображение этого обычая, земные правители превращались как бы в медиумов, через которых вещал и правил настоящий и единственный легитимный сам по себе «советский царь» – Ленин.

Что же касается простонародья, то в нём, начиная с 1924 года, циркулируют истории о том, что Ленин не умер, а спит в Мавзолее (или нарочно притворился мертвым) и ждет назначенного часа, когда он вернется к народу. Даже в 1930-х годах отмечают в крестьянском фольклоре легенды о Ленине, вышедшем из Мавзолея для того, что разгромить «злых инородцев коммунистов», учинивших коллективизацию. Сегодня принято говорить, что все эти сказки и стихи были псевдофольклором – стилизациями, выполненными профессиональными писателями по заказу партии, но в действительности, в их основе лежали настоящие народные истории, конечно, литературно обработанные.

В 1930-е годы происходит массовое переселение крестьян в города. Русский народ из народа крестьянского становится народом рабочих, инженерно-технической интеллигенции, учителей и ученых. Но эти городские русские, русский советский народ, были наследниками традиционного русского крестьянства и бессознательно переносили в города и их образ жизни, и их образ мысли, которые накладывались на социальные и идеологические формы городской модернистской цивилизации. С.Г. Кара-Мурза хорошо показал в «Советской цивилизации», что советские заводы и фабрики были наследниками крестьянской общины. То же произошло и с культом Ленина, который стал неотъемлемой частью жизни советских людей. Это был действительно культ, который имел собственные обряды (клятвы Ленину, изучение его трудов, возрастная инициация – вступление в пионеры и в комсомольцы, связанная с поклонением Ленину). Важную часть в этом культе играло паломничество к Мавзолею Ленина, которое, кстати, как правило, было добровольным и свидетельствовало о личном «коммунистическом благочестии».

Несмотря на внешний и даже довольно агрессивный атеизм, в советских лю-

дях жила настоящая живая вера в то, что Ленин не вполне умер и что он своими «благотворными энергиями» управляет созданным им государством даже из гроба. Совершенно не случайно возникла традиция в праздничные дни (7 ноября и 1 мая) руководителям государства и партии всходить на Мавзолей и приветствовать оттуда народ. Праздник есть переход из профанного обычного времени во время сакральное, мифологическое (недаром праздник предполагает праздность – освобождение от труда, который есть проклятие Божье, наложенное на людей за грехопадение и лежащее на человечестве вплоть до конца истории и наступления царства Божьего, где закон обязательного труда падет, собственно, праздник и есть предчувствие будущего нового зона и такое поведение, будто он уже наступил). В православной империи ромеев считалось, что в праздник империей управляет не император, а ее истинный глава – Иисус Христос. В связи с этим во дворце императора стоял специальный трон для Христа, на котором всегда лежало Евангелие, в праздничные дни придворные обращались к этому трону. Обычай восхождения глав государства и партии на Мавзолей в праздничные дни представлял собой своего рода отображение этого обычая, земные правители превращались как бы в медиумов, через которых вещал и правил настоящий и единственный легитимный сам по себе «советский царь» – Ленин.

Как видим, и после того как на смену русскому традиционному крестьянству пришел его наследник – русский советский народ, также живущий общинами, но не крестьянскими, поземельными, а городскими, фабричными, заводскими, институтскими, образ Ленина сохраняет черты народного «космического Христа» и остается центром экзистенциального, духовного мира этого народа. Он вбирает в себя острое чувство мирового зла, страстное стремление к справедливости, веру в святость, в добро и в благой исход истории, характерные для русских всегда, и в том числе и на том этапе их истории, когда они стали народом урбанистическим «цивильным». Именно поэтому агрессивная антиленинская пропаганда 1990-х годов обернулась тяжелейшим

ударом по народной нравственности. Большинство русских советских простых людей, для которых Ленин был вовсе не исторической фигурой с противоречивыми взглядами, не живым, ошибавшимся, грешным человеком, а сверхчеловеческим Спасителем – борцом с мировым злом, очернение образа Ленина восприняло как крушение всего святого и доброго. А поскольку в их мире не осталось ничего доброго и святого, то они и скатились в глубочайший моральный релятивизм, решив, что теперь можно все – и подличать, и красть, и предавать Родину ...

3

После всего сказанного, думаем, взгляд на архитектурное сооружение на Красной площади, содержащее бальзамированное тело В.И. Ульянова-Ленина, не может не измениться. Кажется, теперь должно быть ясно, что Мавзолей – вовсе не памятник реальному Ленину как деятелю российской и международной социал-демократии конца XIX – начала XX в.в. (хотя я согласен с Николаем Устряловым, что и этот Ленин – основатель советской государственности, при всей неприемле-

мости его материалистических взглядов, достоин гражданского почитания – как человек, под чьим руководством была отражена иностранная интервенция, предотвращено превращение России в полуколонию Запада и фактически собрана империя, только под другим названием и другим флагом). Считать, что мавзолей – памятник ему, европейскому социал-демократу Владимиру Ульянову – это значит не понимать ничего ни в метафизике, ни в политике. Ведь очевидно, что Мавзолей как символ густо пронизан религиозными, хотя и не вполне христианскими интуициями и энергетикой народного стихийного монархизма. Мавзолей на Красной площади – памятник русской вере в справедливость, в настоящего царя-Христа, а значит, памятник русскому традиционному крестьянству и его правопреемнику русскому советскому народу, в общественном сознании которого европейский социал-демократ превратился в народного святого царя. Это народ наших отцов и дедов, в определенной мере это до сих пор и наш народ. Можно говорить о том, что этот народ в чем-то и ошибался, но вычеркивать его из истории, уничтожая его святыни (независимо от того, верим мы в них или нет), убежден, и вправду кощунственно.